

Кто убил всех учеников Сюаньмэнь?

Сы Цан, которого тащили за руку, лишь спустя десяток метров сообразил: а зачем, собственно, он бежит? Этот старик всё равно ничего ему не сделает.

Он уже раздумывал, не отбросить ли руку Дуань Аньло, как тот сам его отпустил. Хрупкий организм не выдержал нагрузки — боевой запал иссяк на жалкой двадцатиметровой отметке. Схватившись за бок, Дуань Аньло тяжело дышал, согнувшись пополам.

Сы Цан смотрел на него с нескрываемым изумлением. Как человек может быть настолько слабым?

Переведя дух, Дуань Аньло медленно вернулся в машину. Он достал свою находку, влажной салфеткой стёр с неё пепел, вытер руки и лишь затем поднял на свет. Жемчужина размером с голубиное яйцо была холодной на ощупь, словно нефрит, и из чего она сделана, было решительно непонятно.

Должно быть, её прятали в корнях дерева. Она скрывала ауру и обладала некоторой защитой от молний и огня — хорошая вещь.

Он размышлял. Дерево не могло выкопать само себя. Значит, кто-то извлёк его из земли, перевёз в торговый квартал, спрятал корни под полом, а ствол — в стенах. Коварное расположение. Неудивительно, что его смог обнаружить только мышонок. Жаль, что малыш пожертвовал собой. Нужно будет узнать, где его тело, и провести обряд упокоения души.

И этот таинственный Хозяин... кто он? Враг его самого или просто человек, носящего то же имя?

Дуань Аньло вспомнил события из книги. Кто-то постоянно дёргал за ниточки, подталкивая его книжного прототипа к гибели. Но если вдуматься, все эти так называемые «самоубийственные» поступки были лишь отчаянными попытками выжить.

Кто-то мучил его, чтобы сделать сильнее, возвращал как достойного противника, лишь для того, чтобы потом собственноручно прикончить? И всё потому, что его звали Дуань Аньло?

Какое извращение!

Дуань Аньло был уверен, что среди его старых врагов подобных типов не было. А если и были, то он давно отправил их души развеяться по ветру.

Судя по словам старого персикового дерева, уже немало людей по имени Дуань Аньло было убито. Больные убудки! Это ж какой кашей нужно иметь в голове вместо мозгов, чтобы додуматься до такого!

Дуань Аньло убрал жемчужину. Он не изменит ни имени, ни фамилии. Он — Дуань Аньло. И всякий, кто придёт за ним по душу, умрёт. Он обеспечит не только смерть, но и полное развеивание праха. А за упокоение души возьмёт двойную плату.

Сы Цан нашёл тихое место, припарковал машину и снова лёг спать.

— Не хочешь взглянуть? — спросил Дуань Аньло.

— Нет, — не открывая глаз, бросил Сы Цан.

Дуань Аньло искоса посмотрел на него. Вот же богатей. Сы Цан определённо был очень состоятельным человеком.

Освещение в салоне автоматически приглушилось, кондиционер тихо работал. В ночной тишине слышалось лишь слабое стрекотание сверчков. Дуань Аньло зевнул — ему тоже захотелось спать.

Он стянул с полки одеяло и лёг на другую кровать, но тут же сел. Постель была несвежей, чужой запах вызывал дискомфорт.

Взгляд его упал на кровать Сы Цана — идеально чистая, простыня без единой складки. Он спал на новом белье!

Кровати разделял узкий проход. Дуань Аньло вытянул ногу и легонько пнул Сы Цана.

— Давай поменяемся.

Сы Цан с трудом разлепил веки и, отчётливо произнося каждое слово, предупредил:

— Ещё одна выходка, и я тебя выброшу.

Но Дуань Аньло уже встал, перешагнув через проход и устроился рядом с ним. Он принялся — чужого запаха не было. Сразу стало лучше. Можно спать.

Сы Цан резко сел. Он с трудом подавил желание вышвырнуть наглеца из машины.

Дуань Аньло уже закрыл глаза, демонстративно игнорируя его мрачное лицо. Главное — не смотреть, и тогда можно представить, будто Сы Цан с улыбкой уступил ему место. Какой же он всё-таки хороший человек.

Сы Цан долго сверлил его взглядом, пока дыхание Дуань Аньло не стало ровным и глубоким. В конце концов он сдался. Этот хилак был слаб, но упрям. Одно неверное движение — и он развалится. Себе дороже. Он поменяется.

Наблюдавший за этой сценой большой белый гусь вынес свой вердикт:

— Ты ему не ровня.

Через секунду гуся, схваченного за шею, вышвырнули из машины.

На следующий день Сы Цан отвёз Дуань Аньло домой. Увидев его жилище, он засомневался, стоит ли привозить сюда Сяо Бай.

В прошлый раз он был поглощён гневом из-за мысли, что Дуань Аньло украл его удачу и обрёл на несчастья, и совершенно не обратил внимания на обстановку. Теперь же, присмотревшись, он молчал. Как можно жить в такой нищете?

Из дома выбежал сияющий Цзян Юань. Увидев, что Дуань Аньло вернулся целым и невредимым, он не сдержал слёз.

— Шицзу, вы наконец-то вернулись.

— Я же отправил тебе сообщение, — Дуань Аньло с улыбкой взъерошил его волосы. — Не стоило беспокоиться.

Из дверей показался Му Цинчжо. Убедившись, что с Дуань Аньло всё в порядке, он заметно расслабился.

— А ты что здесь делаешь? — улыбнулся Дуань Аньло.

Вопрос прозвучал так, будто ему здесь были не рады.

— Просто решил зайти, — смущённо пробормотал Му Цинчжо.

Он действительно волновался, поэтому и приехал. Уже на месте он узнал, что Дуань Аньло не похитили призраки, а забрала полиция. Его дед, мудрейший человек, на старости лет совсем из ума выжил, раз нашёл ему такого непутёвого крёстного отца, который только и делает, что всех пугает.

Заметив Сы Цана, стоящего позади Дуань Аньло, Му Цинчжо нахмурился. Лицо мужчины показалось ему знакомым.

Дуань Аньло проследил за его взглядом и усмехнулся.

— Что застыл? Приглашай свою крёстную матушку в дом.

Увидев недоумение на лице Му Цинчжо, он напомнил:

— Ты же развесил по всему городу объявления о её поиске. Вот она, перед тобой. Почему не здороваешься?

От этих слов мозг Му Цинчжо перегорел. Крёстная матушка? Госпожа Сы Цан? Госпожа?!

Душа Цзян Юаня была неполной, отчего он был по-детски простодушен и не ощущал той гнетущей ауры, что исходила от Сы Цана. Но Му Цинчжо был обычным человеком. Один вид этого высокого, властного мужчины заставлял его затаить дыхание, а недружелюбный взгляд пробирал до костей.

Му Цинчжо с детства вращался в высших кругах и видел немало влиятельных людей, но ни у кого из них не было такой ауры — холодной, острой, пронзительной. Даже черты его лица были настолько хищными, что смотреть ему в глаза было страшно.

И этот человек называл Дуань Аньло своим мужем?

Му Цинчжо захотелось вскрыть Дуань Аньло череп и посмотреть, как устроен его мозг. Отец, да ты, кажется, себя с кем-то перепутал.

Но он, приёмный сын, прекрасно понимал своё место и не имел права вмешиваться в личную жизнь Дуань Аньло. Возможно, они были знакомы ещё до его появления.

Му Цинчжо хотел было сказать, что тот ошибается и не стоит говорить глупостей, но пугающий взгляд Сы Цана заставил его проглотить слова.

— Кстати, — добавил Дуань Аньло, видя его молчание, — твоя крёстная матушка спасла тебе

жизнь. Когда на тебя наложили гу, именно он поддерживал в тебе жизнь до моего прихода.

В изначальной версии судьбы кто-то, конечно, спас Му Цинчжо, но тому пришлось немало натерпеться. А сейчас — ноги целы, семья в порядке, дед жив, будущее светло. Встреча с ним — это удача, которую этот мальчишка заслужил за несколько жизней. Ему бы домой пойти и воскурить благодарственные благовония.

Слова застряли у Му Цинчжо в горле. По взгляду Сы Цана было ясно: произнеси он «крёстная матушка», и последствия будут плачевными.

Но кем бы ни были друг другу Сы Цан и Дуань Аньло, гость стоял на пороге, и из вежливости его следовало пригласить в дом. На вид он был ровесником Дуань Аньло. Собравшись с духом, Му Цинчжо вежливо произнёс:

— Дядя, проходите, присаживайтесь.

— ...Не стоит, — уголки губ Сы Цана дёрнулись. Родственные связи становились всё более запутанными.

— Дядя, простите, я принял вас за женщину. Вышла неловкая шутка, — серьёзно извинился Му Цинчжо.

Сы Цан и без того догадывался, что Дуань Аньло наговорил ему всякой ерунды. Он не собирался спорить с юнцом.

— Забудь.

— Я ухожу, — его взгляд переместился на Дуань Аньло.

— Сяо Бай...

— Я велю её привезти.

— Тогда я буду ждать её дома, — радостно улыбнулся Дуань Аньло. — Поезжай осторожно.

Сы Цан кивнул и, опасаясь новых выходок, поспешно удалился.

— Куда так торопиться? Будто собаки за ним гонятся, — пробормотал Дуань Аньло ему в спину.

— Шицзу, что вы сказали? — не расслышал Цзян Юань.

— Говорю, ты подрос за эти два дня, — Дуань Аньло прижал его восьмисантиметровый хохолок и, пока тот стоял в замешательстве, скрылся в ванной.

Приняв душ и переодевшись, он наконец смог расспросить Му Цинчжо:

— Как дела с твоей семьёй?

На юношеском лице Му Цинчжо отразилась не свойственная его возрасту серьёзность.

— Я всё выяснил. Мой настоящий второй дядя мёртв. Этот — самозванец. Не знаю, как ему удалось получить лицо, точь-в-точь как у моего дяди. Я сделал ДНК-тест, он не имеет никакого отношения к нашей семье. К тому же, кажется, он замешан в каком-то деле, его уже давно проверяют.

Му Цинчжо ещё не знал, что именно показания старого даоса навлекли на его «дядю» следствие. Теперь самозванцу было не до него, и разобраться с ним стало гораздо проще.

— И тот бастард тоже не из нашей семьи. Так что я могу больше не сдерживаться. К счастью, Сяофэн — действительно сын моего дяди, хоть этот самозванец и пытался намеренно его испортить.

При этих словах Му Цинчжо стиснул зубы. Теперь он понимал, что чувствовал его дед, глядя на него с разочарованием. Сейчас, видя Му Сяофэна, ему хотелось избивать его по восемь раз на дню, вскрыть ему череп, напихать туда знаний и зашить обратно. Он боялся, что если просто вложить их ему в рот, этот бездарь их либо выплюнет, либо они выйдут из него в неизменном виде.

— Всё наладится, — одним предложением подытожил Дуань Аньло.

Му Цинчжо кивнул. Эти слова принесли ему долгожданное спокойствие. Он решил, что отныне, всякий раз, когда будет чувствовать тревогу, неуверенность или смятение, он будет приходить сюда.

Убедившись, что с Дуань Аньло всё в порядке, он ещё немного посидел и уехал.

От нечего делать Дуань Аньло взял нож и принялся вырезать для Цзян Юаня меч из персикового дерева. Говорят, любовь к внукам особенная. А к пра-пра-пра-пра-правнуку — и подавно.

Дерево было твёрдым, и работа шла медленно. За всё утро он так и не закончил.

Ему ещё нужно было сделать табличку для большого белого гуся и его компании. Тогда им не придётся приходить к нему домой — зажжённые благовония сами найдут их.

В полдень Дуань Аньло решил немного отдохнуть. Едва он прилёг, как получил запрос на добавление в друзья с пометкой: «Сяо Чжан, финансовый отдел штаб-квартиры Ассоциации».

Он принял запрос, и ему тут же перевели пятьдесят тысяч юаней.

Дуань Аньло с радостью принял деньги, но мысль о том, что придётся делить их с Сы Цаном в соотношении четыре к шести, кольнула сердце.

Поколебавшись несколько секунд, он со скрипом зубов перевёл Сы Цану тридцать тысяч. Сердце его обливалось кровью.

Сы Цан, к его удивлению, ответил: «Не обманул?»

Дуань Аньло написал: «Брать свои слова назад — всё равно что слизывать с пола то, чем тебя стошнило».

Сказано — сделано. Раз договорились, значит, ни слова нельзя менять. Таков был его принцип.

И тут он увидел, что Сы Цан отклонил перевод с пометкой: «В следующий раз».

Дуань Аньло обрадовался: «Ты правда не возьмёшь?»

Отправив сообщение, Сы Цан тут же пожалел. Не о деньгах, а о словах «в следующий раз». Следующего раза не будет. Он больше не станет работать телохранителем Дуань Аньло.

Этот человек постоянно влиял на его решения, нарушал его границы, заставлял невольно следить за его странными выходками и прислушиваться к его абсурдным речам. Это чувство потери контроля необъяснимо его раздражало.

Он твёрдо решил: Дуань Аньло — его проклятие, их гороскопы несовместимы, и впредь им лучше держаться подальше друг от друга.

Но сообщение уже было отправлено, и отменять его было бы слишком нарочито.

Он холодно напечатал: «На еду для Сяо Бай».

В этот момент в комнату отдыха Сы Цана вошёл красивый монах. Сложив ладони в буддийском приветствии, он задал совершенно не подходящим его сану вопрос:

— Капитан, вы не привезли с собой невестку?

— Какую ещё невестку? — приподнял бровь Сы Цан.

— Бай Цзыюэ рассказал нам, что вы спасали прекрасную даму, — с серьёзным видом ответил монах. — А после спасения собирались повести её зарегистрировать брак, но она отказалась, и вы ужасно опозорились. Он ещё сказал, что невестка невероятно красива, добра и с ангельским характером. Фотография есть? Дайте взглянуть.

Костяшки пальцев Сы Цана, сжимавших телефон, побелели. Бай. Цзы. Юэ!

В комнату, пританцовывая, вошёл сам Бай Цзыюэ, доедая яичный блинчик. Он пнул монаха по ноге.

— Ты же монах, откуда в тебе столько любопытства?

— А что не так с монахами? — монах произнёс имя Будды и, возведя красивое лицо к небу под углом в сорок пять градусов, с видом святого милосердия изрёк: — Если Будда меня не признает, придётся и Будду отправить на перерождение. Амитабха.

— Заткнись ты, демон-монах! — закатил глаза Бай Цзыюэ.

Опустив голову, он встретился с взглядом Сы Цана. Ноги его подкосились. Он заискивающе улыбнулся и протянул ему свой блинчик.

— Босс, не хотите блинчик? Сегодня повезло, оба яйца с двойным желтком.

Сы Цан холодно смотрел на него, не говоря ни слова. «Дело дрянь», — подумал Бай Цзыюэ и, пользуясь моментом, начал пятиться к выходу.

— Ты отвезёшь ему Сяо Бай, — остановил его Сы Цан.

— Сяо Бай? Байлун? — Бай Цзыюэ захотелось потрогать лоб Сы Цана. — Брат, ты, часом, не заболел?

— Ты уверен, что невестке она понравится? Нормальные люди не любят таких огромных змей. Я сам её боюсь. Не в обиду, босс, но есть много способов ухаживать за людьми, а ты выбрал самый странный. Так ты невестку не завоеешь.

Сы Цан поднялся. Два дня он сдерживался, ему давно хотелось кого-нибудь пнуть.

Бай Цзыюэ тут же откусил огромный кусок блинчика, показывая, что рот у него занят и больше он ничего не скажет.

Сы Цан направился к выходу. Бай Цзыюэ попятился, сохраняя дистанцию в семь-восемь шагов.

— Перед уходом накорми её досыта, — бросил Сы Цан на ходу.

Змеи — не другие животные. Они могут обходиться без еды месяцами, а то и год. Сяо Бай ела так много исключительно из жадности. Её пищеварение было лучше, чем у обычных питонов, так что переедание ей не грозило.

— И возьми с собой тушу быка, разделанную.

— Как я её повезу в такую жару? По дороге же протухнет, — Бай Цзыюэ уже почти достиг двери.

Сы Цан посмотрел на него как на идиота.

— Ты не можешь купить холодильник? Загрузи и вези.

— Ц-ц-ц, — даже монах не выдержал.

— И-и-и... — не успел договорить Бай Цзыюэ, как Сы Цан, находившийся в нескольких шагах от него, одним рывком оказался рядом. Бай Цзыюэ ахнул и бросился бежать, но тут же получил пинок под зад.

Сы Цан выместил на нём всю свою досаду.

— За то, что болтаешь всякую чушь!

Бай Цзыюэ, с блинчиком в руке, проскользил по полу добрый десяток метров, но еду не выронил.

Сы Цан глубоко вздохнул. Сразу полегчало.

Лёжа на полу, Бай Цзыюэ, морщась от боли, откусил ещё пару кусков блинчика, а затем, подобно антилопе, подпрыгнул на месте, едва не коснувшись потолка, и скрылся из виду.

Сы Цан, глядя на его прыть, вспомнил, как Дуань Аньло задыхался после двадцати шагов, и порадовался, что сдержался.

Оглянувшись, он увидел, что и монах, цокавший языком, тоже испарился.

Сы Цан брезгливо поморщился. Он просто отправляет Дуань Аньло змею, а они уже напридумывали всякого. Больные!

Председатель тоже считал, что Сы Цан болен.

— Этот мальчишка по фамилии Дуань его что, приворожил? Стоит ему поманить пальцем, и он уже бежит за ним! И ещё смеет драться в городе!

Председатель издал три указа:

— Запретить Сы Цану носить с собой оружие!

— Он и не носил, — пояснил ассистент. — Просто отломил доску от двери.

— Запретить Сы Цану драться в черте города! И досками тоже!

— Это и не драка была, он всего лишь снёс три магазина. И вообще, если бы он этого не сделал, владельцы соседних лавок тоже бы погибли. Так что он их спас.

— Тогда запретить Сы Цану... запретить ему... запретить ему выходить на задания с этим мальчишкой по фамилии Дуань!

— Председатель, — ассистент понял, что тот от гнева совсем потерял голову, — если мешать молодым людям встречаться, в следующей жизни вы тоже станете лысым. И родитесь японцем.

Проклятие было настолько ужасным, что Председатель проигнорировал первую часть фразы и, схватив ассистента за ухо, запрыгал на месте.

— Ах ты, негодник! Ты с ума сошёл! Где ты нахватался таких гадостей! Я велю твоему учителю тебя высечь!

Днём Дуань Аньло взял дощечку и, сосредоточившись, вывел на ней: «Малая союзная армия бессмертных».

— Они будут гостить у нас месяц, — наставлял он Цзян Юаня. — Когда будешь зажигать благовония, не забывай готовить для них подношения.

Они считались духами-хранителями, поэтому Цзян Юань с почтением поместил табличку на самую нижнюю полку алтаря, разложил фрукты и зажёл три палочки благовоний.

Животный союз был в восторге. Они добились своего! Попали не на обеденный стол, а на алтарь!

Верно говорят: выбор важнее усилий. С таким предводителем и голодать не придётся.

Большой белый гусь даже вызвался охранять дом.

— Я отличный сторож. Один в поле воин.

— Ты собираешься охранять дом в виде духа? — спросил Дуань Аньло. — А где твоё настоящее тело?

— Я... я спрятал его в таком месте, где никто не найдёт, га-га, — замялся гусь.

Дуань Аньло понял, что тот не хочет говорить, и усмехнулся. Этот гусь был себе на уме.

— Хочешь — охраняй. Дом у нас пустой, так что теперь ты — самое ценное, что в нём есть. Смотри, чтобы тебя не украли.

— ... — прошипел гусь. Что-то ему стало не по себе.

Разговаривая, Дуань Аньло расставил на хромом алтарном столике рисовые крекеры и детское молоко, а затем благоговейно обратился к табличкам предков:

— Внуки, молитесь о процветании страны, о хорошей погоде, об отсутствии эпидемий и бедствий, о мире во всём мире.

— Молитесь о том, чтобы я получал всё даром, сидел сложа руки и в одночасье разбогател.

— Молитесь о том, чтобы в школе английский заменили на гору, медицину, физиогномику, судьбу и гадание. Если не всё, то хотя бы на боевые искусства и традиционную медицину.

— А если и это невозможно, — Дуань Аньло посмотрел на ряд табличек как на бесполезный хлам, — тогда молитесь о том, чтобы Юань'эр на экзамене знал ответы на все вопросы, угадал всё, что не знает, и набрал... шестьдесят баллов.

Больше просить он не смел. Для Юань'эра и шестьдесят баллов были достижением.

Цзян Юань, простодушно стоя на коленях, хихикнул.

— Ха-ха, роли поменялись. Воскресший предок повесил всех своих внуков на стену.

— Не завидуй им, милый внук, — Дуань Аньло посмотрел на его глупую улыбку. — Когда ты умрёшь, шицзу и тебя повесит на стену. А если ваши молитвы не сбудутся, значит, место захоронения было неудачным. Я вас выкопаю и перезахороню.

Улыбка сползла с лица Цзян Юаня.

— Н-нет, шицзу, я слишком ничтожен, я не достоин висеть там.

— Ничего страшного, — ласково утешил его Дуань Аньло. — В этом поколении ты у меня самый любимый. Когда умрёшь, я повешу тебя на самое видное место.

Цзян Юань притих. В этом поколении он был единственным учеником. У шицзу и выбора-то не было.

— Шицзу, — прошептал он, — если я не наберу шестьдесят баллов, вы правда выкопаете моего учителя и дедушек-наставников?

Дуань Аньло рассмеялся. Этот глупыш и вправду думает, что ему не лень их всех выкапывать?

— Посмотрим на их старания. А ты просто сделай всё, что в твоих силах.

Мысль о человеке, убивающем всех по имени «Дуань Аньло», не давала ему покоя. Связано ли это с ним? Мстили ли его ученикам в прошлом?

— Юань'эр, у нас есть список всех учеников? С датами поступления и смерти?

— Да, сейчас принесу, — Цзян Юань вскочил. Наконец-то он мог быть полезен шицзу.

Он торжественно, на вытянутых руках, принёс серый тканевый свёрток.

— Шицзу, здесь все наши предки.

Дуань Аньло развернул свёрток и достал сложенную книгу из золотой бумаги. Развернув её, он увидел бесчисленные имена учеников Сюаньмэнь.

В этот миг сердце его необъяснимо сжалось от боли. Все они были его потомками, его

учениками. Всё изменилось, все они мертвы, а он, их прародитель, жив.

В книге было записано, что после его ухода старший ученик унаследовал пост главы Сюаньмэнь и неплохо справлялся. За двадцать лет число учеников выросло до пятидесяти четырёх.

А затем, в течение полугода, почти все они внезапно погибли. Осталось семеро.

За последующие десять с лишним лет эти семеро смогли возродить школу, и число учеников достигло шестидесяти трёх.

И снова, в течение полугода, большинство из них погибло.

Оставшиеся продолжали развивать школу. Спустя ещё десять с лишним лет, снова внезапная массовая гибель.

Чем дальше читал Дуань Аньло, тем мрачнее становилось его лицо. Особенно восемьдесят лет назад, когда ученики гибли один за другим. Из ста трёх человек остался лишь учитель Цзян Юаня, тогда ещё совсем ребёнок. Естественно, он мало что успел перенять и мало чему мог научить своего единственного ученика.

— Что это? — Дуань Аньло указал на даты смерти. — Твой учитель что-нибудь говорил об этом?

Цзян Юань наклонился и посмотрел.

— А, да. Мастер говорил, что все они погибли в драках.

У Дуань Аньло перехватило дыхание.

— В драках? В каких ещё драках? Внутренние распри? Войны кланов? В каких драках могли погибнуть все ученики Сюаньмэнь?

<http://bllate.org/book/13676/1211750>